

Прекрасное фэйюйфу Юньци сплошь покрылось грязью, в волосах застряли увядшие листья. Он вскарабкался обратно в крайне жалком виде, сжимая в руке кольцо из панциря черепахи.

— Юньвэнь...

— Дерзкий подхалим! Да как ты посмел!

Чжу Юньвэнь на грани нервного срыва заорал:

— Арестовать его!

— Юньвэнь, выслушай меня!

Чжу Юньвэнь с покрасневшими глазами резко развернулся и бросился прочь, оставив Юньци одного.

— Осторожно, не упади! Юньвэнь! — Юньци кинулся за ним вдогонку, но Хуянь Кэ с двумя гвардейцами неожиданно схватили его за руки и крепко скрутили.

На глазах у всех Чжу Юньвэнь, словно обезумев, взбежал по ступеням и на самой вершине споткнулся и упал.

Хуан Цзычэна не было рядом, и никто не мог понять, почему Чжу Юньвэнь, ещё мгновение назад такой доброжелательный, при виде перстня вдруг так взбесился. Лишь Хуянь Кэ смутно догадывался, в чём заключалась причина. Он приказал подчинённым принести верёвку из бычьих сухожилий, связать Юньци и под конвоем увести с горы.

Чжу Юаньчжан и госпожа Ма при жизни были искренне любящей друг друга парой, и после смерти их похоронили в одной гробнице. Чжу Юньвэнь, настолько удручённый, словно потерял душу, стоял на коленях перед гробом императрицы Ма. Думая о своих любовных злоключениях, он не смог сдержаться и громко разрыдался.

В день праздника Цинмин он отправился подметать могилы предков с радостным настроением, но вернулся в полном разочаровании.

Юньци даже не успел ничего сказать, как Хуянь Кэ уже доставил его в императорскую тюрьму. Он понимал, что на этот раз ему не сбежать. При всем дворе кишели враги, которые только и ждали его малейшего промаха. Хуан Цзычэн и другие непременно воспользуются моментом, чтобы добить упавшую в воду собаку*, поэтому он, не строя иллюзий, просто-напросто вошел в темницу и не стал ничего предпринимать.

* Добить упавшую в воду собаку (狗落水) — обр. добить лежачего.

Императорская тюрьма не видела заключённых с момента восшествия Чжу Юньвэня на престол, и теперь Юньци, к всеобщему удивлению, стал ее первым узником из внутренних покоев императора. Что ж, как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

Весна выдалась дождливой и сырой, и все углы камеры обросли плесенью, наполняющей воздух стойким неприятным запахом.

Железная решётка с лязгом захлопнулась. Хуянь Кэ с жалостью смотрел на Юньци, словно наслаждаясь видом упавшей в воду собаки.

— Тебе конец, — со злорадством произнёс Хуянь Кэ. — Каково это попасть в немилость?

Юньци спокойно ответил:

— Равнодушно принимать как милость, так и бесчестье. Невзирая на унижения, выполнить важную миссию.

Хуянь Кэ прищурился, развернулся и ушёл.

Юньци прождал в тюрьме несколько дней, но Чжу Юньвэнь так и не пришёл.

Стояла невыносимая духота. Юньци не мылся уже почти пять дней, и слякоть на его фэйюйфу полностью высохла, превратив одеяние в грязную тряпку. Не долго думая, Юньци снял фэйюйфу и расстелил его на полу, а нижнюю одежду использовал как полотенце, чтобы вытирать пот. Оставшись в одних коротких штанах и с обнажённой грудью, он растянулся практически голым на земле в форме «□».

Ни один из парней Цзиньвэй не пришёл. Первым, кто навестил его в тюрьме, оказался Чжу Гаочи, что весьма удивило Юньци.

Первой фразой Юньци стало:

— Что с Саньбао?

Чжу Гаочи не знал, смеяться ему или плакать:

— Дядюшка, тебе бы о себе позаботиться, а ты всё о том парне?

Юньци уставился на покрытый плесенью потолок, пошевелил губами и произнёс:

— Придумай, как вывести его из дворца. Всё-таки он человек моей старшей сестры. Не дай ему

погибнуть.

Сердце Чжу Гаочи сжалось. Юньци с насмешкой добавил:

— Вы с отцом немало наворотили за моей спиной... За эти дни я наконец-то всё понял.

Чжу Гаочи облизал губы. Юньци продолжил:

— Когда Саньбао последовал за мной из Пекина обратно в столицу, зять уже тогда приказал ему посеять раздор между мной и Юньвэнем?

Чжу Гаочи не посмел спорить и мог лишь честно ответить:

— Да.

Юньци холодно спросил:

— Неужели он не боялся, что если я потеряю власть и влияние, это может стоить жизни тебе и твоему брату?

Чжу Гаочи сказал:

— Саньбао должен помочь нам... сбежать из столицы.

Юньци глубоко вздохнул:

— Твоя мать тоже в курсе?

Чжу Гаочи опустил взгляд, не решаясь встретиться глазами с Юньци, и ответил:

— Мать об этом не знает. Отец лишь сказал ей, чтобы она послала Саньбао вместе с дядей...

Юньци ледяным тоном произнёс:

— В день, когда был праздник Цинмин, Гаосюй всё бежал за Саньбао. Должно быть, вы втроем спланировали и это.

Чжу Гаочи замолчал. Он не ответил и затем продолжил:

— Дядюшка, отец сказал, что это будет несправедливо по отношению к тебе, но ты сначала должен посидеть несколько месяцев в тюрьме. Если в будущем дело увенчается успехом...

Юньци вдруг пришёл в ярость и резко рванулся к железной решётке. Чжу Гаочи в ужасе отпрянул назад, но Юньци схватил его за воротник и со всей силы притянул к тюремной двери. Металлические прутья с грохотом зазвенели. Юньци понизил голос:

— Я забочусь о вас двоих... не из-за этого хитрого ублюдка, твоего отца, а из-за твоей матери, моей старшей сестры, усек?!

Чжу Гаочи встретился взглядом с Юньци. Глаза Юньци ярко сверкали, словно у гепарда в ночи. Чжу Гаочи невольно кивнул, содрогнувшись всем телом.

В это же время три добрых коня вихрем мчались вдоль реки Циньхуай, устремляясь глубокой ночью к Нанкину с удвоенной скоростью.

Воды реки Циньхуай неумолимо текли вдаль. В Нанкине царил тишь да гладь. Всю ночь напролёт кипела жизнь и мерцали бесчисленные огни.

За городом Тоба Фэн спрыгнул с коня и снял с седла свёрток. Он вытащил обтягивающий черный костюм для передвижения ночью, переделался в него, затянул рукава и зашнуровал сапоги.

Худощавый тюркский убийца закинул крюк на вершину городской стены и с легкостью горлинки взметнулся вверх.

За спиной у Тоба Фэна висел лишь деревянный меч. Никакого другого оружия при нём не было.

— Командир Сюй...

Раздался томный голос. Юньци вздрогнул и отпустил Чжу Гаочи.

Хуянь Кэ в сопровождении нескольких стражников вошёл в камеру. Звук их сапог, ступающих по полу, был глухим и гнетущим. Юньци не проронил ни слова и лёг обратно на солому.

— Император отдал приказ? Иначе почему же командир Хуянь собственной персоной соблаговолил сюда прийти?

Хуянь Кэ усмехнулся:

— Когда император в тот день вернулся, то заболел и слег. Боюсь, ему некогда навещать угодливого фаворита вроде вас.

Юньци кивнул:

— Простудился?

Чжу Юньвэнь перенёс огромное потрясение. В день, когда праздновали Цинмин, его на вершине горы обдувало ветром, и он вымок под дождём, поэтому неудивительно, что он серьёзно заболел. Юньци вздохнул и снова спросил:

— Сильно заболел?

Хуянь Кэ молча смотрел на Юньци. На самом деле, Чжу Юньвэнь метался в жару и был без сознания. Однако в бреду он то и дело бессвязно повторял только имя Юньци.

Юньци вдруг спросил:

— Ты тоже тюрк?

Хуянь Кэ разозлился:

— Теперь ты заключенный. Все еще считаешь себя Цзиньивэй?!

Стражи Полуденных ворот всегда находились в тени Цзиньивэй, и теперь, когда Сюй Юньци арестовали, Хуянь Кэ наконец выкроил время и подготовил верёвки, чтобы как следует помучить его. Но, к его удивлению, Юньци по-прежнему излучал некую угрозу и всего несколькими фразами вновь перехватил инициативу.

Юньци подумал и сказал:

— Должно быть, ты стал стражем Полуденных ворот в двадцать пятом году Хунъю, когда в столице проводили военный отбор...

Хуянь Кэ усмехнулся:

— Ты хорошо это помнишь. Вытащите его и свяжите!

Взгляд Юньци лучился улыбкой:

— В тот год наставник Цзян и Ин-гогун Фу Юйдэ сидели внизу, а мы с Тоба Фэном стояли рядом и прислуживали... Ты одерживал победу за победой, выиграл двенадцать схваток подряд...

Хуянь Кэ открыл тюремную дверь, и несколько стражников ввалились внутрь. Двое скрутили руки Юньци, двое — ноги, и они вытащили его из камеры, прижав к медному столбу в пыточной комнате тюрьмы.

Юньци стоял босиком, и на нём были лишь тонкие короткие штаны. Его руки высоко закинули за плечи и привязали сзади к медному столбу. Юньци понимал, что сопротивляться бесполезно, поэтому перестал бороться. Позволяя стражникам делать своё дело, он насмешливо произнёс:

— Фу Юйдэ сказал: «У этого юноши выдающееся боевое мастерство, он достоин взойти в будущем на высокую должность. Лучше взять его в Цзиньивэй...»

— ...А наставник Цзян ответил: «Каким бы искусным ни было его боевое искусство, он всего лишь бродячий пес. Если в будущем поручить ему исполнение дворцовых наказаний, кого он сможет усмирить? За ним не стоит могущественный покровитель, поэтому, боюсь, стоит ему выйти за пределы дворца, его тут же до смерти забьют палками. Не годится!»

Хуянь Кэ яростно закричал:

— Заткнись!

С этими словами он отвесил Юньци звонкую пощёчину, от которой у того из уголка рта потекла кровь. Юньци ни капли не испугался, поднял голову и, глядя на Хуянь Кэ с улыбкой, сказал:

— Изначально мы могли бы быть сослуживцами... жаль, что ты проиграл ещё при рождении. Хочешь стать Цзиньивэй? Мечтай.

Хуянь Кэ внезапно впал в невыразимую фрустрацию. Он воскликнул:

— Смеешь говорить о происхождении? Да ты всего лишь сын шлюхи! — С этими словами он снова дал Юньци оплеуху. Голова Юньци повернулась от удара, и на его лице застыла презрительная ухмылка.

Хуянь Кэ приказал:

— Свяжите его как следует!

Юньци громко рассмеялся:

— Хуянь Кэ, в глубине души ты, наверное, всё ещё мечтаешь попасть в этот огромный двор. Думаешь, если император сместит меня, ты станешь вторым Сюй Юньци? Что, если будешь угождать и удовлетворять императора, возглавишь Цзиньивэй? Говорю тебе, чтобы стать Цзиньивэй, недостаточно одной преданности... Когда ты займёшь этот пост, то поймёшь... Император заставит тебя...

Хуянь Кэ тут же потерял дар речи. Юньци попал в самую точку. Дрожа от ярости, он приказал:

— Заткните ему рот.

В тот же миг стражник вошёл в камеру, нашёл нижнюю одежду Юньци, висевшую на стене, скомкал её и заткнул ему рот. Юньци больше не мог издать ни звука, но в его глазах мелькнуло лукавство.

В конце концов Хуянь Кэ не смог сдержать любопытства. Немного отдышавшись, он вырвал тряпку изо рта Юньци, сжал его подбородок и, приблизившись, спросил:

— Заставит меня что?

Тоба Фэн, скрывавшийся под карнизом, ловко перевернулся и одной ногой встал на высокую дворцовую стену, слегка звякнув черепицей.

— Кто здесь! — тотчас же один из стражников поднял голову.

Но Тоба Фэн уже скрылся за его спиной. Деревянный меч описал дугу, и перед глазами стражника потемнело, легкий удар пришелся по шейной артерии. Его тело бессильно обмякло и повалилось на землю.

Тоба Фэн присел на высокой стене рядом со двором Цзиньивэй, и его взгляд скользнул по всем помещениям. В комнатах стражников горел свет, и лишь в спальне Юньци было тёмно.

Уже спит? Тоба Фэн подобрал маленький камешек и метнул его в ту сторону. Он пробил оконную бумагу и влетел в комнату.

Не услышав человеческих голосов, Тоба Фэн развернулся и помчался к залу Циньянь.

Юньци слегка склонил голову, вызывающе глядя на Хуянь Кэ. Его тонкие губы были плотно сжаты, а на красивом лице тускло отражался свет от тюремных факелов.

Хуянь Кэ внезапно охватило импульсивное желание наклониться и поцеловать его.

Едва сдержавшись, Хуянь Кэ отшвырнул Юньци назад. Он ударился затылком о медный столб, и у него сразу потемнело в глазах.

— Секите его! — истерично закричал Хуянь Кэ.

Обнаженная грудь и бёдра Юньци были перетянуты верёвками, подчеркивающими его соблазнительные линии мышц, а на прессе виднелось несколько скрещенных алых полос. Хуянь Кэ, залившись краской, занёс кнут и обрушил его на тело Юньци.

Раздался хлопок, и на шее Юньци тут же проступили следы от ударов плети.

Хуянь Кэ вырвал кнут у подчинённого и принялся яростно хлестать им то влево, то вправо, крича:

— Ты всего лишь сын шлюхи! И смеешь рассуждать о происхождении?!

Юньци был полностью обнажён, лишь тонкие короткие штаны едва прикрывали его бёдра. В тюрьме стояла невыносимая жара, и пот струился по следам от плети, пропитывая его облегающие штаны до почти прозрачного состояния. Мужское тело, скованное верёвками, практически полностью обнажилось под пристальным взглядом Хуянь Кэ.

Хуянь Кэ извращенно вымещал злобу, но Юньци так и не издал ни звука. Повернув голову, он молча ждал, когда порка закончится.

— Тссс... Гаочи! — Тоба Фэн одним ударом деревянного меча оглушил евнуха снаружи и тихо спросил: — Где Юньци?

— Старший брат! — Чжу Гаочи обрадовался, отложил свиток в руках и, прихрамывая, подошёл к Тоба Фэну.

Тоба Фэн сказал:

— Я пришёл спасти вас обоих. — С этими словами он потрепал по голове подбежавшего Гаосюя и продолжил: — Ма Саньбао нет во дворе Цзиньивэй. Где он и Юньци?

Чжу Гаочи вкратце объяснил самое важное и добавил:

— Саньбао в комнате напротив, его охраняет множество стражников.

Тоба Фэн вихрем выскочил, расправился с десятками стражников, втащил Саньбао внутрь и швырнул его на пол.

Чжу Гаочи тревожно произнёс:

— Император заключил дядюшку... в тюрьму.

Лицо Тоба Фэна мгновенно омрачилось:

— Почему?

Чжу Гаочи не осмеливался подать голос. Он знал, что Тоба Фэн очень заботился о Юньци. Саньбао, только что освободившись от веревок, поднялся и сказал:

— Младший шурина впал в немилость.

Но Тоба Фэн не разозлился, и даже улыбнулся:

— Правда?!

«...»

Братья Чжу не знали, смеяться им или плакать. Тоба Фэн сказал:

— Снаружи три лошади. Выходите через задние ворота дворца. Обо всех стражниках на пути я уже позаботился. Смена караула только в час цзы*, скорее бегите!

* 23:00-01:00.

Тоба Фэн развязал веревку с крюком на запястье и положил ее на плечо Саньбао. Затем он огляделся по сторонам и помчался* к императорской тюрьме.

* Досл. «как струйка дыма» (□□□) — обр. в знач.: быстро, мгновенно умчаться.

Хуань Кэ яростно стегал кнутом, но делал это очень расчётливо, не порол до мяса. Следы от плети не кровоточили, но, пропитанные потом, вызывали жгучую боль. От каждого удара Юньци почти незаметно вздрагивал.

Игла, спрятанная в шелковых оческах*... Циркуляция ци...

* Игла, спрятанная в шелковых оческах* (□□□□) — обр. о мягком снаружи, но твердом внутри; держать камень за пазухой; мягко стелет, да жестко спат; на устах мёд, а на сердце лёд.

Юньци про себя повторял рифмованные правила, переданные Чжаном Саньфэном. Истинная ци циркулировала по всему его телу, рассеивая силу ударов кнута, но внешне он делал вид, что с трудом выносит боль.

Хуянь Кэ устал так яростно его хлестать, поэтому развернул рукоять кнута, приподнял ею подбородок Юньци и холодно спросил:

— Что император заставляет тебя делать? Какими грязными делами ты занимаешься, полагаясь на это видное личико?

С этими словами Хуянь Кэ протянул руку к промежности Юньци и сквозь тонкие штаны принялся поглаживать его член, насмешливо спрашивая:

— Полагаешься на своё личико и эту штуку?

Тоба Фэн, как дикий волк, прыгнул в кусты напротив тюрьмы и, напряжённо всматриваясь, уставился на тёмные ворота.

Императорская тюрьма находилась под контролем Цзиньвэй, и изначально там должны были находиться специальные тюремные надзиратели. Однако после того, как командир Цзиньвэй Сюй Юньци был брошен в темницу, охрану снаружи тюрьмы полностью сменили.

Сейчас у входа дежурил лишь один стражник. По форме одежды Тоба Фэн определил, что это человек из стражи Полуденных ворот, и тут же с недоумением наморщил брови.

Стражник зевнул, и когда Тоба Фэн уже собрался броситься вперёд, чтобы устранить его, тот со странным выражением лица схватился за живот и побежал к отхожему месту.

Тоба Фэн усмехнулся, вышел из-за кустов и уверенной походкой вошёл в императорскую тюрьму.

В этот момент внутри:

Хуянь Кэ с ненавистью рывкнул:

— Принесите древесный уголь!

Холодная медная подставка под ногами Юньци была одним из главных орудий пыток

императорской тюрьмы. Так же, как и при мучительной казни сожжением эпохи Инь-Шан*, внутрь закладывали уголь, который раскалялся и жег ступни заключённых. Когда вспыхивал огонь, пламя опаляло спину и всё тело преступника, причиняя невыносимые страдания.

* Инь-Шан (殷商) — китайское государство Шан, существовавшее в 1554–1046 гг. до н.э.

Хуянь Кэ принял во внимание, что Чжу Юньвэнь может передумать и вновь вернуть Юньци, поэтому не смел разводить огонь и жечь всё его тело. Однако опалить ступни можно было без видимых следов, поэтому он твёрдо решил сегодня как следует известить Юньци.

Наблюдая, как подчинённые закладывают раскалённый уголь в медную подставку, Хуянь Кэ насмеялся:

— Что толку в Цзиньвэй? Это просто кучка вешалок для одежды, которые притесняют других, пользуясь своей властью. Разве сможет кто-нибудь из них сразиться с Лао-цзы один на один?

— Не то что ты, даже тот пёс-предатель Тоба Фэн, явись он сюда, не выдержал бы и трёх ударов Лао-цзы. Цзиньвэй — просто кучка ничтожеств, которые могут лишь прятаться за юбки своих мамаш...

— Ладно.

Тоба Фэн стоял у входа в императорскую тюрьму. Доставая деревянный меч «Семь звезд» из-за спины, он вежливо ответил:

— Командир Хуянь, прошу, не откажите в совете.

Когда Хуянь Кэ услышал этот голос, его душа чуть не вылетела из тела.

Юньци с облегчением вздохнул — беда миновала.

Тоба Фэн держал меч в левой руке, а правой ладонью поманил Хуянь Кэ, рассеянно сказав:

— Пёс Хуянь. Минуло столько лет, твои боевые навыки хоть немного продвинулись? Хочешь сразиться с отцом один на один? Ну, давай.

«...»

Юньци не знал, смеяться ему или плакать:

— То ты называешь его «пёс Хуянь», то говоришь, что ты ему отец, так кто же ты тогда?

Хуянь Кэ медленно повернулся, тяжело дыша, и в ужасе уставился на Тоба Фэна.

Через три секунды Хуянь Кэ резко выхватил из-за пояса меч и доблестно воскликнул:

— Все вместе — в атаку!!

Десять секунд спустя.

Вокруг Тоба Фэна в беспорядке валялись сбитые с ног стражники.

Он серьёзно сказал:

— Сейчас я не убиваю людей, пёс Хуянь. Смотри, я даже использую деревянный меч. Не бойся.

С этими словами он помахал перед Хуянь Кэ тяжёлым деревянным мечом «Семь звёзд».

Хуянь Кэ походил на разъярённого быка. Его сердце бешено колотилось. Боец номер один Цзиньвэй против первого бойца стражи Полуденных ворот... Юньци не в счёт. Лишь стоящий перед ним Тоба Фэн поистине достоин стать его противником.

Корни обоих уходили за Великую стену: у Хуянь Кэ были лазурные глаза, как у орла, а у Тоба Фэна — бурые, как у волка; оба были командирами отрядов, охраняющих внутренние покои императорского дворца; оба лишились родителей и оба только благодаря собственному упорству и тяжёлому труду в освоении боевых искусств получили эти должности.

Это была война между женщиной и мужчиной. Тоба Фэн являлся заклятым врагом Хуянь Кэ.

В голове Хуянь Кэ пронеслось бесчисленное множество мыслей. Хотя руки Юньци всё ещё были привязаны к столбу, ноги оставались свободными. Не в силах больше ждать, он тут же пнул его.

В замедленном действии:

— Аааааа!!

Хуянь Кэ разинул рот и, с всклокоченными волосами, заревел. Высоко подняв свой кинжал, он в бешенстве устремился к Тоба Фэну.

Тоба Фэн поднял меч, описал в воздухе плавную дугу, нацелил его на руку Хуянь Кэ и мягко отбросил его в сторону.

Хуянь Кэ снесло этой мягкой силой, и с оглушительным грохотом он влетел прямо в промежуток между двумя железными прутьями. По инерции его голова застряла между ними.

Лицо Хуянь Кэ было обращено к земле. Он продолжал беспрерывно рычать, и, ухватившись за прутья, из последних сил пытался вырваться. Тоба Фэн даже не взглянул на него, закинул меч за спину и пошёл вперёд.

Юньци раздражённо сказал:

— Сначала разберись с ним.

Тоба Фэн ответил:

— Он без сознания.

Юньци возразил:

— Нет же!

Тоба Фэн повернулся, чтобы окончательно расправиться с Хуянь Кэ, но тот тут же благоразумно склонил голову, прекратил сопротивляться и замер.

Тоба Фэн сказал Юньци:

— Смотри, он упал в обморок.

«...»

Разглядывая туго стягивающие Юньци верёвки, Тоба Фэн покраснел и произнёс:

— Как туго тебя связали.

Юньци был на грани нервного срыва. Его только что спас из лап тигра отважный пестражник, и, когда он услышал такие слова, то чуть не потерял сознание.

К счастью, Тоба Фэн ещё знал чувство меры. Он коснулся Юньци своими большими руками и, ощупывая его, слегка ослабил верёвки. Юньци вздохнул с облегчением, но его запястья всё ещё были связаны высоко над головой. Он тут же с легкостью кувырнулся в воздухе и плавно приземлился за столбом. Расправив затекшие от связывания плечи, он строго спросил:

— Зачем ты приехал в Нанкин?

Тоба Фэн обошёл столб, обнял Юньци и ответил:

— Проведать тебя и заодно спасти двух моих младших братьев.

Юньци усмехнулся:

— Уже и младшими братьями их называешь.

Тоба Фэн спокойно произнёс:

— А что? Я тоже хочу испытывать родственные чувства.

Эти слова мгновенно задели Юньци за живое. Он перестал вырываться, вздохнул и сказал:

— Прости.

Тоба Фэн улыбнулся, заключил Юньци в объятия и, прижав его к столбу, собрался поцеловать. Юньци поспешно уклонился:

— А что с Юньвэнем?

Лицо Тоба Фэна тут же омрачилось:

— Не знаю.

Тоба Фэн обхватил Юньци за талию, слегка развернул его, и их нижние части тел соприкоснулись. Юньци мгновенно смутился. На нём были лишь тонкие короткие штаны, тогда как Тоба Фэн стоял, полностью облаченный в костюм для ночных передвижений. От него исходил приятный запах одежды, просушенной на солнце.

— Ши-гэ тебя любит... — прошептал Тоба Фэн.

Юньци торопливо ответил:

— Нет-нет-нет... сейчас неподходящее время.

На совершенно обнажённом теле Юньци виднелись многочисленные светлые следы от кнута.

Верёвки всё ещё не были сняты и свободно болтались на его талии, а на ключице красовался ещё один неяркий красный след. От этого зрелища у Тоба Фэна кровь ударила в голову, он обнял Юньци и ни за что не желал отпустить.

— Идиот... — сквозь зубы прошипел Юньци. — Мне нужно справить нужду! Не делай глупостей!

Тоба Фэн произнес:

— А.

Он позволил Юньци повернуться боком, опустил голову и принялся тереться о его шею. Его возбуждённый член уже упирался в Юньци сзади.

— Можешь писать, — ответил Тоба Фэн. — Вот тут, в углу.

Юньци, не зная, смеяться ему или плакать, сказал:

— Помоги мне развязать верёвки на руках... Стой! Не трогай там!

В разгар сопротивления он вдруг обнаружил, что холодноватые пальцы Тоба Фэна уже развязали его короткие штаны и потянулись к пространству между ног, чтобы помочь их снять. Юньци мгновенно испытал невыразимое смущение. Если стянуть штаны чуть больше, он окажется полностью голым. Это никак нельзя допустить!

Тоба Фэн сказал:

— Писай.

Юньци, залившись краской, ответил:

— Я не могу, пока ты тут стоишь. Ши-гэ, отойди немного.

Пальцы Тоба Фэна были слегка прохладным. Когда он взял член Юньци в руку и провел по нему ладонью, по телу разлилось невыразимое удовольствие. Юньци, весь красный, продолжал сопротивляться, выдавив из себя:

— Мои племянники... М-м-м!

Тоба Фэн одной рукой беспорядочно ощупывал и поглаживал тело Юньци, а другой повернул его за шею и поцеловал.

Когда Тоба Фэн приник к губам Юньци, его дыхание перехватило, и он затих.

После поцелуя Тоба Фэн посмотрел Юньци прямо в глаза и серьёзно спросил:

— Скучал по мне?

В глазах Юньци блеснули слёзы, он кивнул, но вдруг что-то вспомнил и сказал:

— Уходи скорее. Хватит здесь копошиться.

Тоба Фэн улыбнулся:

— Ничего, ши-гэ уже вывел их наружу. Пёс-император болен, так что ему не до этого места...

С этими словами он потянулся, чтобы развязать свой пояс.

Теперь Юньци всё понял. Раз Хуянь Кэ пришёл пытать его, то определённо не мог допустить, чтобы об этом кто-то узнал. Он сменил караул, и охрану снаружи императорской тюрьмы тоже расставили соответствующим образом... Хуянь Кэ?!

Юньци с недоумением выглянул из-за столба и посмотрел на Хуянь Кэ. Его голова всё ещё была зажата в решётке.

А разве этот парень изначально не притворялся, что потерял сознание?

Хуянь Кэ почесал шею. Видимо, его укусил комар.

Лицо Юньци вспыхнуло:

— Ши... ши-гэ, пёс Хуянь всё ещё... всё ещё слышит...

Хуянь Кэ благоразумно замер.

Юньци хотел было что-то добавить, но почувствовал, как сзади Тоба Фэн прижался к нему бёдрами, и эта возбуждённая штука уже вот-вот готова была в него войти.

После долгих ласк желание Тоба Фэна достигло пика, и он уже не мог с ним совладать. Из его твёрдого, как железо, члена обильно сочилась жидкость, и теперь, упираясь в задний проход Юньци, он медленно растягивал его даже без смазки.

— Я... понежнее... — сначала Юньци собирался тихо выругаться, но его голос внезапно сорвался. — Больно... больно! Понежнее!

Руки Юньци всё ещё были подняты высоко над головой, и от боли на глаза наворачивались слёзы. Тоба Фэн крепко обхватил Юньци за талию и осторожно вошёл в него сзади. Юньци и без того мучился от позывов к мочеиспусканию, а тут Тоба Фэн неожиданно устроил такое. Он почувствовал невыносимое давление спереди и сзади. Но беда никогда не приходит одна* — снаружи камеры вновь слышались шаги.

* Досл. «(если)крыша протекает, дождь будет идти всю ночь» (□□□□□□).

Автор: О том, что случилось дальше, узнаете в следующей главе.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326087>